

УДК 323.1:39(47)(091)

О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV–XVII вв.

Г. Ф. Быконя

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск*

Аннотация. Впервые в свете русского этногенеза предпринята попытка рассмотреть важнейшие для политической консолидации единого Российского государства события – ликвидации военным путем независимости Новгородской боярской республики, а позже Пскова, которые сопровождались масштабными перекрестными переселениями почти всей политической и имущей верхушки новгородцев с частью феодалов центральных районов Московской Руси. Сделан вывод, что естественные для центральной власти волевые политические решения противоречиво сказались на процессе этнической консолидации средневековых русских, так как центральная власть в лице Ивана III после колебаний оказалась на стороне консервативного крыла РПЦ, что стало одной из предпосылок раскола и старообрядческого движения.

Ключевые слова: политика, русская государственность, этапы этногенеза русского народа, этническая идентичность, этнос средневековых русских, религиозный раскол, новгородская ветвь русского православия.

Общеизвестно, что ведущей исторической особенностью в развитии русской государственности являлась не демократическая, а авторитарная парадигма. Поэтому геополитические и политические факторы могли серьезно влиять и влияли на процесс и темпы этнического саморазвития русского народа. Великое переселение народов II–IV вв. временно прервало поступательное развитие восточных славян. Оттесненный на не имеющую естественных природных защитных рубежей территорию, в основном лесной Среднерусской равнины, формирующийся этнос русичей с оружием в обеих руках защищал и утверждал право на свою государственность. Татаро-монгольское нашествие в XIII в. вызвало новую массовую сдвигку части русичей на север-восток. Из прежней окраины расселения русичей Москва уже в XIV в. становится в центре княжеств Северо-Восточной Руси.

Процесс **политического** преодоления феодальной раздробленности в XIV–XVI вв., возглавленный Москвой, стал важным качественным этапом формирования нового этноса-народа средневековых русских, называемых иноземцами-современниками «московитами». При этом собирание воедино всех русских земель – «отчину и днину» серьезно осложнялось отсутстви-

ем между ними устойчивых экономических связей даже раннебуржуазного типа. Между тремя складывающимися экономическими районами (промыслово-земледельческим северо-восточным, сельскохозяйственным центральным и ремесленно-торговым северо-западным) имел место лишь традиционный неэквивалентный обмен на естественно-географической основе. Централизаторским целям Москвы мешало также территориальное и этнокультурное обособление земель (хозяйственно-бытовой уклад, областная лексика, местные традиции), подпитывавшее политические амбиции местных Рюриковичей. В результате объединительный процесс шел на феодально-крепостнической основе, что неизбежно предполагало приоритет военно-политических мер. Свержение ордынского ига тоже было возможным только военным путем.

Задачи формирования политического единства России определили использование массовых насильственных мер по слову этнокультурной обособленности русских земель. В первую очередь это касалось пограничной с Западом Северо-Западной Руси, которая еще со времен Древней Руси отличалась в этнокультурном отношении [7, с. 22].

Важный шаг в этом направлении сделал Иван III. Он решил покончить с политическим сепаратизмом ушедшей вперед в экономическом отношении Новгородской боярской республики. Чтобы навсегда сделать ее неотъемлемой частью Российского государства, следовало ослабить растущую этнокультурную обособленность новгородцев от формирующегося этнического ядра будущей русской нации в Московской Руси. Эти различия были настолько серьезными, что правитель традиционную личную зависимость новгородцев, особенно боярства, жестко и настойчиво переводил в государственную, трактуя неподчинение себе, великому князю Московскому, как «измену», т. е. отношения «вассал – сеньор» сводил к отношениям «подданный – государь». Этим предвосхищалась политическая парадигма, четко сформулированная почти через век Иваном Грозным в переписке с князем Андреем Курбским.

Все население привели к присяге и переписали; пересчитали прежние денежные и натуральные платежи; ввели московские денежную систему, меры весов, объемы сыпучих тел; переучли сельскохозяйственные угодья.

Кроме того, Иван III задумал территориально перемешать элитные верхи обоих регионов: почти всю политическую и имущую верхушку Новгородской республики переселить – «свести» в центральные уезды страны на земли местных феодалов, а часть последних поместить в новгородских землях. Это судьбоносное решение для будущего России реализовал Иван III в несколько приемов еще при своей жизни.

Через пять лет после ликвидации независимости Новгорода с 1483–1484 гг., нарушая свое обещание, Иван III продолжил конфискацию монастырских и владычных земель, а также «взял на себя» владения четырех бояр-«изменников», затем еще 30 крупнейших бояр. Последовательно разрушая частное вотчинное землевладение и ограничивая конфессиональное владычно-монастырское, Иван III одновременно прово-

дит массовые перекрестные переселения в 1483–1484, 1487–1489 и 1490-е гг. По П. И. Беляеву, «в 1484 году за связи с Литвой 30 новгородских бояр разослали по тюрьмам, а их семьи «в заточение». В 1487 г. из-за волнений, вызванных произволом наместника из князей Рязанских, «заводчиков» казнили, вывели 50 семей лучших богатейших семей из «гостей»-купцов во Владимир и более семи тысяч житых людей поселили в московских владениях. В 1489 г. в ответ на жалобы на московских наместников вывели еще до тысячи семей бояр и житых людей» [11, с. 97; 4, с. 57–58].

Советские историки расходились в определении как общего числа перемещенных в новгородские земли, так и удельного веса отдельных категорий. Во всех новгородских пятинах, по В. К. Базилевичу, из 1310 помещиков было 280 (более 20 %) бывших холопов – послужильцев московских и местных бояр. С. Б. Веселовский насчитал испомещенных около 1600 помещиков, а с учетом неполноты сведений – до 2 тыс. чел. Он их делил на четыре группы: 1) послужильцы (150 чел.), 2) княжата (61 чел.), 3) представители старых московских родов (более 200 чел.), 4) дети боярские [14, с. 2–4, 19].

Аничковы, например, были направлены на новгородские поместья всем родом. «...В росписи помянуто 25 фамилий», – считают авторы Комментария к опубликованным поземельным церковным актам [3, с. 62–80; 5, с. 297; 1, с. 334].

По подсчетам ленинградского историка Р. Г. Скрынникова, более 1054 чел. с семьями, общим счетом свыше 7800 чел. новгородских бояр и их дворян (арьерфеодалов), купцов и «житых людей» получили поместья русских феодалов в Московской Руси – Можайске, Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Переяславле, Юрьеве, Костроме, Ростове и других городах. На их земли, включая пограничные с Литвой, в свою очередь поместили переведенцев из центральных уездов Руси, значительно укрепив новые рубежи. В частности, из Москвы послали 180 бояр, а из других мест – 111 детей боярских, и до 123 боевых холопов получили поместья в 20–30 обж. [15, с. 21–24].

Некоторые князья и бояре всячески пытались избежать переселения. В наказание таким уклонистам их дворян и даже задворных людей и боевых холопов верстали новгородскими поместьями. Так, у князя Семена Рязанского отобрали шесть послужильцев и вместе с прочими поместили в Водской пятине [2, с. 432].

Масштабы этой смелой и оригинальной поместной реформы, по подсчетам ленинградских историков, оказались впечатляющими: из 65,8 % земель светских вотчинников сохранилось лишь 4,2 %; из 20 % церковно-монастырских – до 4,7 %; от 5,1 % владычных – менее 1 %; из 9,1 % черных земель – до 3,2 %. Всего за старыми владельцами осталось лишь 12,1 % земель. Зато оброчные земли великого князя составили 44,8 % и поместные – 36,3 % [1].

Переселениями тонкий политик и дипломат Иван III решал сразу две задачи – политических врагов на новом месте поставил в условия неизбеж-

ной лояльности и обязательной государевой службы и закрепил северо-западное пограничье складывающегося Российского единого государства. Позже Василий III, подчинив Псков и отвоевав у Литвы, находящейся в унии с Польшей, Смоленск, продолжил практику отца. В 1510 г. из Пскова вывели 300 дворов-семей посадников, бояр, купцов и житых людей, а на их места из московских уездов поместили тысячу «добрых» людей, 300 купеческих семей из 10 городов да 500 новгородских пищальников [8, с. 120–121].

В специальной литературе этнические последствия этих массовых перемещений практически не рассматривались. Между тем территориально значительная перекрестная смена кормящего ландшафта у верхушки новгородцев и москвичей осложнила энергетические ритмы тех и других, а у их последующих поколений они все больше сближались, причем и путем копирования поведения лидеров. В результате у ведущих двух частей ядра русского народа вызревала на новом подкорковом уровне этническая идентичность «мы», которая характеризуется суггестией и безусловной положительной комплиментарностью,

Чересполосное массовое расселение переведенцев не могло не повлиять и на процесс унификации Русской православной церкви (далее РПЦ). Многолетняя моя работа по родословию основателя Красноярска убедила, что существовал новгородский вариант русского православия. Он отличался от московского определенным демократизмом, светскостью с выборностью на вече всего духовенства вплоть до архиепископов и вольнодумием, которое нередко выливалось в ереси стригольников, антитринитариев и нестяжателей в XIV–XVI вв. Под влиянием идей европейского Возрождения, в том числе борьбы за дешевую церковь, относительно широко проникавших в торгово-ремесленный Новгород, личное спасение души новгородцы нередко видели не в уходе в монастырь от соблазнов суетного мира, а в служении на миру людям согласно 10 христианским заповедям. Эти идеи своеобразного русского раннего Возрождения стали распространяться с массовой ротацией населения Московской Руси в Северо-Западную и наоборот. Переселения привели к широкому распространению новгородской ветви православия и в известной степени объясняют феномен троюродной сестры основателя Красноярска Андрея Дубенского Ульяны (Иулании) – мирянки, ставшей святой, – Лазаревской-Муромской [9; 10; 12].

Верхи духовенства центральной Руси, естественно, боролись с этими проявлениями русского духовного Возрождения не раннебуржуазного, а раннеклассового типа. Они отстаивали права на огромные монастырско-церковные земли, на свою значительную автономию в церковных делах, проповедуя и освящая одновременно покорность любым властям. Противостояние двух ветвей русского православия вылилось в репрессии против ересей при позднем Иване III, борьбу иосифлян с нестяжателями, споры на церковных соборах 1550 и 1552 гг. и на новгородской закваске переросло с торжеством официоза в движение староверов и раскол РПЦ при патриархе Никоне. С одной стороны, это была реакция консервативной части русского

духовенства на проводимую сверху Никоном реформу церковной обрядности. С другой же – под предлогом защиты старины, но с социально-нравственных позиций, реформу не приняли до 40 % простолудинов и даже часть знати с дворянством. Они видели все усиливающееся расхождение между морально-нравственными основами христианства и реальной практикой официальной церкви, церковно-монастырских властей, носителей конфессиональных феодально-крепостнических отношений. Хотя в социально-политическом плане старообрядчество, как писали советские религиоведы, было тупиковым путем, но староверы веками сохраняли гуманистические базовые основы этнонационального характера русского народа, пытаясь на практике противостоять властям и реализовать пусть утопическую, но благородную мечту «вольный человек на вольной земле», в принципе недостижимую и в XXI в. [13].

Итак, Иван III, «грозный... Великий», по оценке современников, один из ярких представителей династии Рюриковичей, дальновидный стратег, гибкий дипломат, мастер политического компромисса и поклонник древней тактики «разделяй и властвуй», установив единое политическое пространство Новгородской Руси с Московской, массовыми перекрестными переселениями политической и имущей верхушки запустил на последующий XVI в. процесс навечного этнического соединения северной и центральной ветви русского народа, заложив основу будущей русской нации в виде этноса средневековых русских. Этому молодому в отношении к русичам, но на их системе духовных ценностей преемственному этносу не суждено было полнокровно развиваться из-за обострения социально-политических отношений второй половины XVI в. (опричнина) и Смутного времени. Последовавший затем церковный раскол показал ненадежность волевых решений задач этнической консолидации единого политического пространства.

Вероятно, в силу кратковременности и недооценки массовых миграций этот этнос не выделял родоначальник науки этнологии Л. Н. Гумилев. По мнению ученого, будучи великим, русский народ в своем саморазвитии прошел два преемственных этноса – восточные славяне-русичи и русские-россияне. Рубеж между ними – Куликовская битва 1380 г. [6]. Однако в I–XIX вв. «стереотипы поведения», проявляющиеся в ритмах этнического биополя, сменялись чаще. Ядро русского народа, вбирая все новые и новые языки и народности, с веками смещалось из бассейна Днепра и пути «из варяг в греки» в Волго-Окское междуречье до Урала в XVI в., а затем к середине XVII в. землепроходцы дошли до Тихого океана. Естественно, менялись и энергетические показатели кормящего ландшафта и связанной с ним энергии солнца и космоса... Таким образом, следуя духу и букве теории ученого, следует выделять в рамках XIII – середины XVII в. этнос средневековых русских. Процесс формирования же собственно русской нации пришелся на XVIII – 30-е гг. XIX в. Отечественная война 1812 г. и литературный национальный язык – язык Пушкина, Лермонтова и Гоголя – явное подтверждение сложившейся этнической идентичности русской нации. Правда, в

отличие от ведущих западноевропейских народов она не имела еще единого экономического пространства индустриального типа.

Список литературы

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. – Л. : Наука, 1971. – 402 с.
2. Акты Российского государства // Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. / отв. ред. В. Д. Назаров. – М. : Ладомир, 1998. – 482 с.
3. *Базилевич В. К.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // Ист. зап. – М., 1945. – Т. 14. – С. 62–80.
4. *Беляев И. Д.* О поземельном владении в Московском государстве (вместо предисловия к переписной Новгородской книге 1500 г.) // Чтения ВОИДР. – 1851. – Кн. 11. – С. 57–58.
5. *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С. Б. Веселовский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 1. – 324 с.
6. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – М. : Просвещение, 2000. – 318 с.
7. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 507 с.
8. *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1972. – 453 с.
9. Новая версия происхождения предков Андрея Дубенского – основателя Красноярска // Сибирь в империи – империя в Сибири. Имперские процессы на окраинах России в XVIII – начале XX вв. – Иркутск : Оттиск, 2013. – С. 95–109. – (Сер. Азиатская Россия).
10. О повышенной религиозности предков основателя Красноярска Андрея Дубенского // XV Краснояр. краев. Рождеств. образоват. чтения : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Красноярск, 2015. – С. 346–352.
11. ПСРЛ. – Л. : Наука, 1982. – Т. 37. – 234 с.
12. Родословие Андрея Дубенского – основателя Красноярска // Быконя Г. Ф. Избр. тр. – Красноярск, 2015. – Т. 5. – 304 с.
13. Русское православие: веки истории. – М. : Политиздат, 1989. – 720 с.
14. *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения / В. Сергеевич. – СПб. : [б. и.], 1911. – 496 с.
15. *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода / Р. Г. Скрынников. – М. : Изд-во Сабашникова, 1998. – 356 с.

On the Influence of Political Willpower on the Development of Ethno-National Russian Identity in the XVth – XVIIth Centuries

G. F. Bykonia

Krasnoyarsk Pedagogical University named after V. P. Astafiev, Krasnoyarsk

Abstract. For the first time in the context of Russian ethno genesis, the author makes an attempt to consider the most important event for the political consolidation of the unified Russian state – elimination of the independence of the Novgorod boyar republic and later of Pskov by military means, which were accompanied by large-scale cross-resettlements

of almost the entire political and propertied elite of Novgorod and some feudal lords of the central regions of Moscow Rus. The author concludes that the volitional political decisions natural for the central government had a contradictory effect on the process of ethnic consolidation of medieval Russians, since the central government under the rule of Ivan III after some hesitation took sides of the Conservatives of the Russian Orthodox Church that led to the split and the Old Believers' movement.

Keywords: politics, Russian sovereignty, periods of ethno genesis of the Russians, ethnic identity, ethnos of medieval Russians, religious schism, Novgorod branch of the Russian Orthodoxy.

Быконя Геннадий Фёдорович

*доктор исторических наук, профессор
Красноярский педагогический
университет им. В. П. Астафьева
660049, г. Красноярск, ул. Ады
Лебедевой, 89
тел.: 8(391) 217-17-17
e-mail: kspu@kspu.ru*

Bykonja Gennady Fedorovich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Krasnoyarsk Pedagogical University
named after V.P. Astafiev
89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk,
660049, tel.: 8(391)217-17-17
e-mail: kspu@kspu.ru*